

Грядущие проблемы

Пять лауреатов Нобелевской премии обсуждают то, что каждый из них считает наиболее серьезной проблемой, стоящей перед мировой экономикой будущего

Глобальное потепление Вторая неудобная правда

Джордж А. Акерлоф

ЛЮДИ размышляют, пользуясь историями (или повествованиями). Расскажите неправильную историю — и вы попадете в неприятную ситуацию. Американский лингвист и антрополог-любитель Бенджамин Ли Ворф описал этой явление в 1920-е годы. На своей дневной работе техника по пожарной безопасности он заметил, что большое число пожаров происходит на бензоколонках. Используя свои лингвистические познания, Ворф установил, что работники, перемещавшие бочки с бензином, которые раньше использовались для перевозки этого топлива, курили рядом с бочками, которые, как им было «известно», были «пустыми».

Аналогичное повествование сейчас ставит мир в очень затруднительное положение. Каждые несколько лет мировые ли-

Истории, которые мы себе рассказываем о глобальном потеплении, слишком холодные и осторожные.

деры собираются на большой форум: Рио-де-Жанейро, Киото, Йоханнесбург, Копенгаген. Делаются торжественные декларации, но решительные действия против глобального потепления вновь откладываются на потом. Формулировки относительно глобального потепления не побуждают ни отдельных людей, ни их правительства предпринимать действия сегодня.

Одно простое повествование является убедительным и правдивым. Атмосфера земли действует подобно защитному покрывалу вокруг нас. Это покрывало позволяет проникать энергии солнца, поэтому солнце нагревает Землю, а затем атмосфера благотворно замедляет темпы излучения тепла наружу.

У человечества есть общий ребенок — Земля. Год за годом покрывало атмосферы вокруг нашего ребенка становится все более плотным. Даже короткая поездка на машине общей продолжительностью 100 миль, во время которой потребляется пять галлонов бензина, добавляет в атмосферу 100 фунтов

Джордж А. Акерлоф получил Нобелевскую премию по экономике в 2001 году. Он является приглашенным научным сотрудником в Исследовательском департаменте МВФ, почетным профессором экономики в Калифорнийском университете в Беркли, а также автором нескольких книг; самая последняя работа, написанная совместно с Рэйчел Крэнтон, — «Экономика идентичности: как наша идентичность определяет нашу работу, зарплату и благополучие» (Identity Economics: How Our Identities Shape Our Work, Wages, and Well-Being).

двуокиси углерода. За счет таких невинных действий средняя семья в США, например, добавляет к этому покрывалу Земли 1800 фунтов в неделю. Сложите все семьи во всем мире, добавьте немного науки к нашему интуитивному пониманию ситуации с детьми и покрывалами, и тогда легко понять, что мир, скорее всего, становится все теплее и теплее.

Любой родитель в таких условиях бросился бы на помощь ребенку. Но истории, которые мы себе рассказываем о глобальном потеплении, слишком холодные и осторожные. Мы читаем декларации Межправительственной группы экспертов по изменению климата. Мы полагаемся на выводы «ученых». Ученые высказывают свое мнение, практически единогласно, зачастую со страстной убежденностью и твердостью, но профессиональная беспристрастность науки заглушает идею. Помню, как примерно 20 лет назад сидел на ужине рядом со знаменитым астрономом. Не зная, что сказать астроному, я затронул тему изменения климата. «У нас еще нет подтверждения того, что глобальное потепление вызвано антропогенным изменением климата», — заявил он.

(продолжение на стр. 19)

Увеличение спроса Непреодоленный кризис

Пол Кругман

В СЕРЕДИНЕ второго десятилетия XXI века наиболее серьезной проблемой, стоящей перед мировой экономикой, или по крайней мере перед относительно богатыми странами, является проблема, которую многие экономисты не ожидали столкнуться. Впервые с 1930-х годов мир, по-видимому, страдает от сохраняющегося недостаточного спроса; люди просто не тратят в достаточной мере для использования имеющегося производственного потенциала. Это должно было быть решенной проблемой, которая досаждала нашим дедам, но не должна была вернуться. Но она вернулась, а ее решение остается труднодостижимым.

Позвольте мне привести некоторые приблизительные общие цифры. Если мы возьмем агрегированный показатель МВФ по «странам с развитой экономикой» из его базы данных «Перспектив развития мировой экономики», мы обнаружим, что совокупный реальный ВВП этих стран с 2000 года по 2007 год возрос на 18 процентов. Прогнозы, сделанные в тот период, предусматривали продолжение роста аналогичными темпами в среднесрочной перспективе. В действительности сейчас рост в странах с развитой экономикой, по-видимому, с 2007 года по 2014 год со-

Наши экономические директивные органы плохо приспособлены для преодоления устойчивого и весьма значительного дефицита спроса.

ставил всего примерно 6 процентов, что подразумевает снижение на 10 процентов по сравнению с тем, что мы считали трендом.

Справедливо, как многие утверждают, что фактический размер резервных мощностей в экономике намного меньше; согласно оценке базы данных ПРМЭ, текущий разрыв между фактическим и потенциальным объемом производства по странам с развитой экономикой в целом составляет всего 2,2 процента. Но было бы весьма ошибочно принять низкую оценку разрыва в объеме производства за признак того, что неудачи экономической политики в конечном счете не такие значительные, по двум причинам.

Во-первых, мы в действительности не знаем, насколько ниже потенциала работает экономика. Являются ли значительные снижения коэффициента участия в рабочей силе США или производительности в Великобритании долгосрочными или циклическими, результатом ухода работников с рынка труда, поскольку они не видят возможностей для трудоустройства? Является ли стабильность инфляции на низких уровнях свидетельством того, что загрузка мощностей близка к потенциалу, или она вызвана нежеланием работников согласиться с сокращением заработной платы, что делает кривую Филлиппса (исторически обратную зависимость между уровнями безработицы и соответствующими темпами инфляции) плоской при низкой инфляции? Никто не знает ответов, и было бы трагедией согласиться с низким уровнем объема производства и высокой безработицей как с неизбежностью, когда они могут просто отражать недостаточный спрос.

Во-вторых, если рост производительного потенциала действительно снизился на такую величину, на которую указывают оценки, то это является свидетельством мощных долгосрочных

Пол Кругман получил Нобелевскую премию по экономике в 2008 году. Он является профессором экономики и международных отношений в Принстонском университете, колумнистом газеты New York Times и автором ряда книг, самая последняя из которых — «Покончить с этим спадом сейчас!» (End This Depression Now!)

последствий якобы краткосрочных экономических трудностей: допущенное закрепление глубокой мировой рецессии, по-видимому, со временем привело к существенному ухудшению долгосрочных экономических перспектив. Это, в свою очередь, означает, что поддержание достаточного спроса имеет огромное значение не только на краткосрочную, но и на долгосрочную перспективу.

Тогда в любом случае увеличение спроса должно стать безотлагательной первоочередной задачей. К сожалению, после 2007 года мы убедились в том, что экономические директивные органы плохо приспособлены для преодоления устойчивого и весьма значительного дефицита спроса.

Во время «Великой умеренности» (как назвали американские экономисты Джеймс Сток и Марк Уотсон снижение в США макроэкономической волатильности в середине 1980-х годов) мы считали, что разработка и проведение макроэкономической политики успешно контролируются. Управление спросом было вверено технократам в независимых центральных банках, тогда как в налогово-бюджетной политике основной упор делался на долгосрочные проблемы. Однако в условиях мощных и продолжительных шоков эта система, оказывается, выходит из строя. С одной стороны, центральные банки сдерживаются как нулевой нижней границей (тем фактом, что процентные ставки не могут стать отрицательными), так и опасениями относительно размеров их балансов. С другой стороны, налогово-бюджетная политика отнюдь не помогала и вскоре стала приводить к ухудшению ситуации. Ее сдерживала как асимметрия между должниками и кредиторами (первые были вынуждены сокращать расходы, а последние не были обязаны их увеличивать), так и внутренней политической борьбой. Иногда я шучу, что между Европой и США идет соревнование за то, кто может принять худшие антикризисные меры; Европа сейчас выигрывает, но США отстает немаломо.

Было бы приятно считать, что эти проблемы имеют временный характер, возможно, они таковыми и являются. Но стабильность «Великой умеренности», как мы сейчас понимаем, была основана на увеличивающемся долге населения и на относительно быстром росте населения трудоспособного возраста; ни одно из этих условий не вернется, и практически нет признаков поворота в экономической политике.

Поэтому недостаточный спрос все еще представляет собой очень большую проблему и, вероятно, будет оставаться таковой в течение длительного периода. Нам необходимо найти выход из этой ситуации. ■

Длительный застой

Богатые страны не могут переключиться с нейтральной скорости

Роберт Солоу

НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ вероятным, что в течение следующих 50 лет у мира кончатся острые экономические проблемы. В первоочередной список любого наблюдателя, скорее всего, войдут преодоление причин и последствий изменения климата, действия, или бездействие, в ответ на растущее неравенство доходов и богатства в рамках национальной экономики, а в случае богатых стран — перелом видимой тенденции к созданию (в результате сочетания изменений технологии и спроса) рабочих мест в верхней и нижней части спектра квалификации/зарплат, но крайне недостаточного числа мест в его середине, или адаптация к этой тенденции.

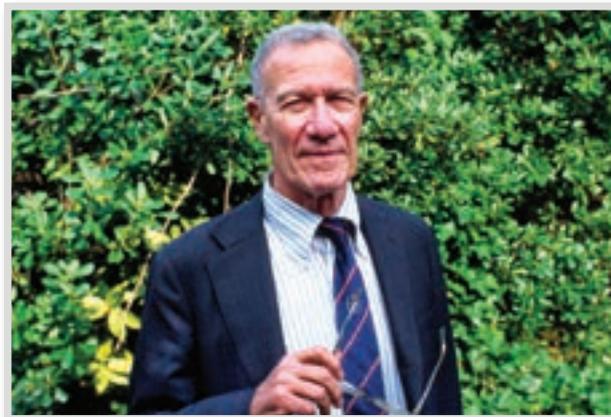
Однако я хочу предложить вопрос, имеющий, очевидно, менее космические масштабы, и это действительно вопрос: переживают ли богатые страны Европы и Северной Америки, а также Япония период так называемого длительного застоя, который, скорее всего, не является мимолетным? Мой довод в пользу выбора этого вопроса состоит в том, что при положительном ответе и отсутствии выхода из этой ловушки в ближайшее время, вероятность успешных мер для решения более масштабных проблем намного уменьшается.

Термин «длительный застой», впервые появившийся в трудах американского экономиста Элвина Хансена в 1930-х годах, подразумевает устойчивую тенденцию национальной экономики (или

В последние годы лишь «пузыри» могли обеспечить процветание, и мы знаем, что это не может продолжаться долго.

группы стран) не только испытывать медленный рост, но, более конкретно, с трудом достигать или вообще не достигать использования производительного потенциала в полном объеме. Тогда это явление характеризовалось бы как нехватка инвестиционных возможностей, обеспечивающих норму прибыли, приемлемую для инвесторов. Сегодня более распространенное краткое описание указывало бы, что реальная процентная ставка, соответствующая полной загрузке мощностей, является отрицательной и не может достигаться последовательно.

Каковы свидетельства того, что длительный застой в настоящее время является угрозой? Они состоят из двух частей. Первая часть — это аргумент (который наиболее решительно отстаивает американский экономист Роберт Гордон) о том, что в будущем как население, так и совокупная факторная производительность будут расти более медленно, чем в славном прошлом. Демографический прогноз является весьма надежным. Убедительность пессимизма относительно роста совокупной факторной производительности (эффективности капитала и труда) основана в основном на вере в то, что волна информационных технологий просто не сможет привести к такому увеличению производства/благополучия, как это сделали в прошлом великие научно-технические волны прошлого, — двигатели внутреннего сгорания, электрификация, урбанизация. Этот довод о длительном застое сохраняет

Роберт Солоу получил Нобелевскую премию по экономике за вклад в теорию экономического роста в 1987 году. Он является почетным профессором экономики в Массачусетском технологическом институте.

силу, даже если этот сценарий медленных темпов роста имеет значительную вероятность того, что он реализуется.

Вторая часть аргумента следует из первой. Рост населения (благодаря «расширению» капитала) и научно-технический прогресс (благодаря потребности в инновационном потенциале) являются основными силами, которые не позволяли снижаться норме прибыли от частных инвестиций несмотря на повышение капиталоемкости и снижение отдачи. В будущем, характеризующемся медленными темпами роста, сбережение продолжится, норма прибыли будет снижаться, а частные инвестиции ослабнут.

Кроме того, утверждается, что новейшая история подтверждает этот пессимизм. В последние годы лишь «пузыри» (интернет-компании, жилье) могли обеспечить процветание, и мы знаем, что это не может продолжаться долго. Сейчас, спустя пять лет после официального окончания последнего спада, ни в США, ни в Европе, ни тем более в Японии не смогли восстановить производство до уровня, сколь либо похожего на полное использование мощностей. Эта низкая экономическая активность в течение продолжительного времени, по крайней мере, соответствует идее длительного застоя.

Но не полностью. Вялый частный спрос в значительной мере можно объяснить сокращением расходов на строительство, как жилищное, так и коммерческое. (Это также могло привести к исчезновению многих высокооплачиваемых рабочих мест.) Нет никаких загадок в том, что касается причин. В странах, испытывавших вздутые цены на жилье в годы перед кризисом, остался избыточный фонд жилья и подавленный ипотечный рынок. Нечто подобное происходило на рынке офисных зданий и других коммерческих зданий.

Тем не менее, некая загадка сохраняется. По крайней мере, в США коммерческие инвестиции восстановились после спада лишь частично, хотя прибыли корпораций являются очень высокими. В результате, как указали в неопубликованной работе старшие научные сотрудники Института Брукингса Мартин Бэйли и Барри Босуорт, сбережения предприятий превышают их инвестиции с 2009 года. Сектор корпораций, обычно являющийся чистым заемщиком, стал чистым кредитором остальной экономики. Это похоже на реакцию на ожидаемое снижение нормы прибыли от инвестиций, как предполагается в гипотезе о застое.

Осмотрительный вывод (в моде ли сейчас осмотрительность?) заключается в том, что гипотеза о застое не является абсолютно правильной, но она не является и крайне маловероятной. Тревоги Хансена были развеяны Второй мировой войной и последовавшим увеличением роли государства. Сейчас нам следует начинать думать о надлежащих ответных мерах экономической политики. ■

Всеобъемлющий характер Создание возможностей для роста в развивающихся странах и адаптация к нему

Майкл Спенс

В МИРОВОЙ экономике существует много насущных проблем, но, на мой взгляд, важнейшей задачей является адаптация к росту в развивающихся странах и завершение процесса сближения уровней развития, который начался после Второй мировой войны. Это сулит не только масштабное сокращение бедности, но и расширение возможностей для здоровой, производительной и творческой жизни 85 процентов мирового населения, которые впервые за послевоенный период испытали существенный экономический рост. Это масштабное усиление всеобъемлющего характера может стать определяющей характеристикой столетия. Но эту идею проще озвучить, чем реализовать.

Всеобъемлющий характер потребует изменений в менталитете, ответных мерах политики и институтах — международных и национальных. Цель заключается в том, чтобы сделать подъем в развивающихся странах наиболее благотворным, даже если мощные переходные процессы вызовут сдвиги в относительных ценах, радикальные изменения в структуре экономики как в странах с развитой экономикой, так и в развивающихся странах, а также перемены в распределении доходов и богатства.

Процесс сближения, если он будет успешным, увеличит в три раза величину мировой экономики в течение следующих 25–30 лет — намного больше, если исходной точкой считать начало процесса сближения, 1950 год, а не сегодня. Попытка осуществить этот переход без корректировки использования природных ресурсов в мире приведет либо к замедлению и остановке роста, или, что хуже того, к катастрофическому провалу после достижения экологической критической точки. Для создания возможностей подъема в развивающихся странах крайне необходима экологическая устойчивость.

Все экономики опираются на основу, состоящую из материальных и нематериальных активов. Часто возможно поддерживать рост в течение некоторого времени при недостаточных инвестициях и расходовании этих активов или, по крайней мере, сохранении их на одном уровне, но это не может продолжаться бесконечно. Мы узнаем, что природный капитал является важным подклассом активов, которые лежат в основе мировой экономики. Недостаточное инвестирование в природный капитал не только уменьшит качество роста, но в конечном итоге ухудшит рост его или даже приведет к спаду. Именно поэтому текущая работа по измерению природного капитала является важным шагом в переходе к моделям роста на глобально устойчивой основе.

Кроме того, есть проблемы распределения. В странах с развитой экономикой технологические процессы и глобальные рыночные силы приводят к сокращению или ликвидации все более широкого спектра рабочих мест за счет автоматизации, устранения посредников и перевода производств за рубеж в рамках развивающихся глобальных цепей поставок. Поскольку это происходит так быстро, рынки труда несбалансированы; человеческий капитал не соответствует меняющейся стороне спроса мировой экономики. Ускорение возврата к равновесию является важнейшей первоочередной задачей для экономического роста и справедливого распределения дохода практически

Майкл Спенс получил Нобелевскую премию по экономике в 2001 году. Он является профессором экономики в Школе бизнеса им. Стерна Нью-Йоркского университета, почетным научным сотрудником в Совете по внешним связям, старшим научным сотрудником в Гуверовском институте при Стэнфордском университете и председателем академического совета Глобального института Фуна.

повсеместно. Но даже если этот процесс пойдет быстрее, чем сейчас, неравенство сохранится.

В настоящее время отсутствует единое мнение о том, как преодолеть различные существующие формы неравенства. Некоторые считают, что мы должны уделять основное внимание бедности и позволить рыночным силам решать все остальные

Всеобъемлющий характер потребуется изменений в менталитете, ответных мерах политики и институтах — международных и национальных.

вопросы. Другие беспокоятся о тех, кто проиграл во всех отношениях (например, о безработной молодежи) и распределении бремени, особенно после масштабных экономических шоков, подобных испытанному недавно. Третьи уделяют основное внимание абсолютным, а не относительным выгодам и потерям, и выделяют абсолютные изменения. Несмотря на эти различия большинству обществ, развитых и развивающихся, присуще стремление к социальному продвижению последующих поколений. Здесь в разных странах наблюдаются различные тенденции, во многих странах они являются тревожными.

Если трудо- и капиталосберегающие, благоприятствующие работникам с высокой квалификацией цифровые технологии являются такими мощными, как считают многие из нас, то они приведут к значительному росту производительности. Неочевидно, по крайней мере в странах с высокими доходами, что полученный «излишек» будет использован для производства и потребления еще большего объема товаров и услуг. Возможно, его следует использовать для увеличения свободного времени. Возможно, рабочая неделя станет — или должна стать — в среднем более короткой. Если это так, то нам потребуются более полные показатели благосостояния, чем совокупная стоимость товаров

(продолжение на стр. 19)

Неравенство

Экономика должна служить обществу

Джозеф Е. Стиглиц

ОСНОВНАЯ борьба в мировой экономике после Второй мировой войны являлась борьбой альтернативных экономических систем: какая система — коммунизм или капитализм — обеспечивает лучший путь достижения роста и процветания для всех? С падением Берлинской стены эта битва была завершена. Но возникает новая борьба: какая форма рыночной экономики работает лучше всего?

В течение длительного времени американский демократический капитализм добивался видимого триумфа. США настаивали на дерегулировании, приватизации и либерализации во всем мире за счет комплекса мер политики, который стал называться Вашингтонским консенсусом. Но затем наступил мировой финансовый кризис 2008 года, когда государство спасло рынок от его эксцессов. Попытка свести к минимуму роль государства потерпела провал и вынудила государство принимать беспрецедентные меры.

После кризиса многие стали более внимательно присматриваться к экономической системе США. В условиях, когда medianные доходы не росли более четверти века, стало ясно, что эта

Высокий и растущий уровень неравенства в США является результатом мер политики США.

система не отвечала нуждам большинства граждан, даже если она успешно работала для самых богатых. Даже политическая система стала подвергаться сомнению: экономическое неравенство трансформировалось в политическое неравенство, наглядным свидетельством чего является способность банков, которые вызвали кризис, противодействовать реформам, которые большинство экономистов считало необходимыми для предотвращения повторения кризиса. Демократия означает не только проведение регулярных выборов политических руководителей, и результаты американской демократии, по-видимому, все больше соответствуют принципу «один доллар, один голос», чем принципу «один человек, один голос».

Французский экономист Томас Пикетти утверждает, что высокий уровень неравенства представляет собой естественное положение дел при капитализме — лишь в короткий промежуток времени после Второй мировой войны в результате солидарности, порожденной войной, ситуация была иной. Пикетти подтверждает то, что отметили другие наблюдатели: огромный рост неравенства доходов и богатства в прошлой трети столетия и растущее значение унаследованного богатства. Он предсказывает, что эти тенденции сохранятся.

Я считаю, что этот высокий и растущий уровень неравенства не является неизбежным результатом капитализма или последствием неумолимых экономических сил. Есть страны с намного более низкими уровнями неравенства — и с такими же высокими темпами роста, — граждане которых, особенно среди половины с более низкими доходами, находятся в гораздо лучшем положении, чем такие же люди в США. Некоторые страны в последние годы даже добились значительного снижения

Джозеф Е. Стиглиц получил Нобелевскую премию по экономике в 2001 году и в настоящее время является профессором Колумбийского университета и автором ряда книг; самая последняя работа, написанная совместно с Брюсом Гринвальдом, — «Создание обучающегося общества: новый подход к росту, развитию и социальному прогрессу» (Creating a Learning Society: A New Approach to Growth, Development, and Social Progress).

неравенства, в частности, Бразилия. Высокий и растущий уровень неравенства в США является результатом мер политики и политических решений США, и те страны, которые копируют США, например, Соединенное Королевство, наблюдают подобные результаты. Неравенство является результатом эрзац-капитализма страны, где изобилуют монополии и олигополии, государственные льготы для корпораций и богатых, экстренная помощь для банков, недостатки в корпоративном управлении, и налоговое законодательство, которое позволяет самым богатым переводить свои средства в офшорные налоговые убежища и платить намного меньше своей справедливой доли налогов.

Недавно МВФ обоснованно подчеркнул неблагоприятное воздействие этого неравенства на динамику экономических показателей. В своей книге «Цена неравенства» (*The Price of Inequality*) я объяснил, как мы можем одновременно иметь более высокий рост и стабильность и большее равенство — особенно в тех странах, где неравенство достигло крайних значений, как в США. Экономическая теория распространения благ сверху вниз не работает — о чем наглядно свидетельствуют данные по США. Это особенно справедливо, когда столь значительная часть неравенства вызвана извлечением ренты (наиболее богатые присваивают все большую долю национального пирога) и отсутствием равных возможностей, что означает, что самые бедные лишены шанса достичь своего потенциала.

Псевдокапитализм, возникший в США и некоторых других странах, является предсказуемым и предвиденным результатом ущербной демократии, которая позволяет экономическому неравенству превращаться в политическое неравенство в порочной среде, где увеличение неравенства в одной форме приводит к росту неравенства в другой форме.

Основная проблема, стоящая перед мировой экономикой в предстоящие десятилетия, заключается не просто в обуздании эксцессов рыночной экономики — например, предотвращении принятия чрезмерных рисков, хищнической практики кредитования и манипулирования рынком, столь ярко продемонстрированных финансовыми организациями в последние годы. Она связана с обеспечением работы рынков таким образом, каким они должны работать, — с сильной конкуренцией,

(продолжение на стр. 19)

(Акерлоф, продолжение со стр. 14)

Это утверждение было правильным на научном языке, оно сопровождалось, как следовало, надлежащей долей сомнения. Но для целей государственной политики ввиду высокой вероятности вызванного человеком глобального потепления такая осторожность является безрассудной. Родители не меряют температуру ребенка, чтобы принять решение о том, что в комнате слишком жарко; аналогичным образом, для глобального потепления нам необходимо повествование, которое побуждает нас сделать то, что необходимо.

Такое красноречие необходимо нам не только для самих себя, но и для наших правительств, которые приобретут легитимность и волю, необходимые для действий. Экономические аспекты глобального потепления хорошо понятны, насколько можно понять любую экономическую проблему, — лучший способ борьбы с ним (но сопряженный со значительными издержками) заключается во введении единого налога на выбросы углекислого газа; этот налог должен

повышаться до тех пор, пока выбросы не снизятся до желательных уровней. Оптимальная политика также требует субсидирования научных исследований и разработок методов уменьшения выбросов.

Но глобальное потепление представляет собой глобальную проблему, и выбросы поступают отовсюду, поэтому налоги и субсидии должны иметь глобальный характер. Каждая страна должна считать своим долгом участие в процессе. Нам необходимо заключить глобальный альянс, в котором «мы» все участвуем. Мы должны сказать себе, что нам необходимо вместе тянуть этот груз. Мы должны тянуть изо всех сил, независимо от того, что делают другие. Почему? Потому что Земля — наш драгоценный ребенок.

Таким образом, есть две неудобные правды. Первая заключается в самом глобальном потеплении. Вторая состоит в том, что мы еще не рассказываем себе истории, которые заставили бы нас бороться с потеплением. ■

(Спенс, продолжение со стр. 17)

и услуг, приобретенных в поддающихся учету рыночных операциях. Такое развитие событий невозможно, если модель занятости останется прежней, когда большинство работает полное рабочее время в традиционном смысле, а растущее меньшинство не имеет работы.

Что касается стабильности и международной координации экономической политики, то было бы несправедливо охарактеризовать их как сферу неудач. Генеральное соглашение по тарифам и торговле сыграло важнейшую роль в придании мировой экономике открытого характера, в создании равных условий и возможностей для роста в развивающихся странах. Правительства и центральные банки сотрудничают в условиях кризисов и вносят решающий вклад в их преодоление. Международные финансовые организации оказывают большое содействие сокращению бедности и экономической стабильности в странах с формирующимся рынком, а также проявляют гибкость в отношении экономической политики с учетом растущего понимания поведения мировой экономики и финансовых систем.

Но реформа системы управления в этих организациях отстает от изменений относительных размеров и влияния ведущих стран с формирующимся рынком. Это подрывает доверие и авторитет, и следовательно, способность координировать экономическую политику. Во-вторых, побочным эффектам,

особенно в области финансов и денежно-кредитной политики основные национальные директивные органы не уделяют почти никакого внимания, их мандаты предусматривают ориентацию на внутреннюю сферу. Представляется, что директивные органы регулируют центры в отдельных системах, не обращая внимания на более широкие последствия таких решений и циклы обратной связи.

Эффективное наднациональное управление в лучшем случае остается незавершенным проектом. Нужно лишь взглянуть на Европейский союз и зону евро, чтобы получить некоторое представление о трудностях приведения нормативных актов и макроэкономического управления в соответствие с растущей сетевой взаимозависимостью мировой экономики или ее компонентов. Основные проблемы связаны с суверенитетом, идентичностью и демократическим самоопределением.

Наши дети и внуки будут жить в мировой экономике, которая значительно крупнее, более взаимосвязана и характеризуется справедливым распределением экономического веса и полномочий, а также разнородностью в плане уровней дохода, стадий развития и культур. Понимание того, как сделать этот переход устойчивым, стабильным и справедливым, представляет собой важнейшую экономическую проблему для всех стран, будь то развитые или развивающиеся страны, и их граждан. ■

(Стиглиц, продолжение со стр. 18)

стимулирующей инновации, которые приводят к повышению уровня жизни, а не инновации, которые направлены на присвоение большей доли национального дохода и обход правил, призванных обеспечить успешную деятельность экономики. Она связана не только с энергичным экономическим ростом, но и с общим благосостоянием. Она предусматривает обеспечение работы экономики на благо общества, а не работы общества на благо экономики. Когда экономические «достижения», связанные с глобализацией или с созданием евро, ведут

к значительному сокращению зарплат или государственных пособий для широких масс населения, мы должны спросить, не перепутали ли мы средства и цели.

Основная задача, стоящая перед глобальной политикой, состоит в обеспечении того, что демократические процессы действительно представляют интересы обычных граждан. Преодолеть власть денег в политике будет нелегко. Но если мы этого не сделаем, то мы будем сталкиваться с разочарованием в нашей экономике и в нашей демократии. ■